

ПЕСЕННЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

РУСТАМ ИБРАГИМОВИЧ ФАХРЕТДИНОВ

(Европейский университет в Санкт-Петербурге:
Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 3)

***Аннотация.** Большинство работ о песнях войн, включая Гражданскую, посвящено текстам песен, которые созданы в ходе войны и связаны с ней тематически. Однако, во-первых, на войне бытуют и песни, известные до нее. Во-вторых, они бытуют в разной форме — устной и письменной, и в разных ситуациях.*

Но песню можно рассматривать не только как текст, предполагающий некоторый мотив, но и как действие определенных людей в определенной ситуации, т.е. как практику. Единицами для анализа тогда являются не тексты, а случаи бытования песен: исполнение, сочинение, публикация и т.д. — конкретными людьми в различных обстоятельствах. Это позволяет выявлять особенности и факторы бытования песенных традиций и репертуара разных групп.

Наиболее типичные ситуации пения в ходе Гражданской войны: марш, свободное время, бой, удачное завершение боевой операции, военные ритуалы, казни и погромы. Некоторые ситуации характерны для всех воюющих лагерей и для других войн, а пение в бою и при казни, скорее, особенность Гражданской войны.

В устном бытовании и в печатных песенниках 1918–1919 гг. преобладали песни, сочиненные еще до войны. В газеты, листовки и рукописные песенники, напротив, попадали преимущественно новые песни. Тематика новых песен: описание отдельных боев и операций, боевого пути и бытовых реалий, прославление командиров, критика врагов, призыв в бой за лучшее будущее или просто в бой и, наконец, оплакивание павших. Как правило, новая песня становилась и гимном подразделения, который звучал на параде и в трудные минуты боя.

***Ключевые слова:** Гражданская война, песни, практики, фольклор.*

Перед авторами работ о песнях войны стоит дилемма: писать ли обо всех песнях, бытовавших на ней, и об условиях их бытования, как поступили бы этнографы, изучая фольклор экзотического народа, либо сделать акцент на песнях, написанных в дни войны о ее событиях. Обычно выбирают второй путь. Он проще с точки зрения систематизации (песни занимают собственную хронологическую и тематическую нишу) и возможен, даже если сохранились лишь тексты, а данных об их бытовании нет.

В случае с Гражданской войной в России акцент на новые песни поддерживался популярной в 1920-е гг. идеей о том, что изменения в фольклоре отражают изменение «настроений масс» [Азадовский 1924, 35–38]. К 1930-м гг. на это наложился марксистский детерминизм, требующий для каждого исторического периода свое творчество. А когда в середине 1950-х гг. жесткий детерминизм отвергли [Соймонов 1956, 49; Гусев 1964], более актуальными были песни Великой

Отечественной войны. Однако и по ее материалам появились лишь единицы работ, выходящих за рамки новых песенных текстов [Пушкарев 1952; Астахова, Новиков 1964; Пушкарев 1964]. Попытка же обобщить данные о формах бытования песен [Кирдан 1964] провалилась [Крупянская 1964, 149].

То, что текст обретает культурный смысл лишь в этнографическом контексте — в определенной ситуации, в которой действуют конкретные люди со своим культурным опытом, — прописная истина лингвистики, этнографии и фольклористики, сформулированная еще исследователем Б. Малиновским [Malinowski 1923, 301]. Об этом же писал А. В. Гуревич из первой советской экспедиции за фольклором Гражданской войны: «<...> без обрамления он [фольклорный вид] не живет, <...> это обрамление его в значительной мере и родило на свет и без этого подчас длинного обрамления, нам этого текста не понять и не узнать, как своих ушей» [Гуревич 1932]. В американской фольклористике такая идея разрабатывается с конца 1960-х гг. [Ben-Amos 1971; Dundes 1980; Georges 1980], а в отечественной — она отчасти актуализировалась с 1970-х гг. в рамках подхода «фольклор в этнографическом контексте» [Чистов 2005].

Фольклор не просто связан с контекстом, он в этом контексте существует в виде действий. Чтобы понять место песни на войне, нужно рассмотреть ее через действия и ситуации, т.е. через песенные практики. Единицами анализа будут не тексты, а случаи использования песен, будь то пение на марше батальона деникинцев или публикация песенного текста в махновской газете. Это позволит проследить связь поэтической формы и темы песни с социальными группами, действием и ситуацией, т.е. с ее функциональностью.

Осталось объяснить, при чем тут фольклористика и кто в нашем случае «фолк» — носитель практик. Дело в том, что в отечественной традиции песни на войне изучают фольклористы, трактуя военный фольклор расширительно, включая в него и песни авторские, и песни, бытующие не только устно [Красноармейский фольклор 1938; Стихи, песни, частушки 1957]. Под носителем же подразумевается ситуативная социальная группа:

борцы за советскую власть в целом, красные партизаны Сибири, чапаевцы и т.д. По сути, советские исследователи военных песен понимали фольклор так же, как в 1970-х гг. его определил американский фольклорист А. Дандес, считавший, что фольклор возможен в любой социальной группе и способы его трансмиссии могут быть разными [Dundes 1980].

Границы групп носителей подвижны, тем более в условиях Гражданской войны, когда люди разных сословий и местностей оказались в рядах одних и те же военных частей и вынуждены были адаптировать свои практики к новым условиям. Формировались новые социальные группы — «буденновцы», «корниловцы», «махновцы». Интерференцию песенных традиций усиливало перемещение воюющих на большие расстояния и переходы из одного лагеря в другой.

В данной работе носители песенных практик — участники военных формирований и подпольных военизированных организаций времен Гражданской войны. В основном я ограничусь русскоязычной средой. Базой для анализа стали несколько сотен случаев бытования песен из материалов фольклорных экспедиций, мемуаров, литературных произведений участников и очевидцев войны, фронтовой печати, песенников и других документов времен гражданской. Эти источники дополняют пробелы друг друга: например, фольклорные экспедиции почти не зафиксировали песен противников советской власти. И все они, включая художественную литературу, уже использовались ранее при изучении песен войн [Азадовский 1925, 62; Кирдан 1964, 268].

Я не буду уделять особого внимания текстам и напевам песен, лишь отмечу связь их тематики с практикой и ситуацией.

1. ПЕНИЕ

Пение — наиболее очевидная песенная практика, вернее, набор практик, так как с ним связаны типологически разные ситуации. Для Гражданской войны — это, прежде всего, пение на марше, в свободное время (к нему отнесем также передвижение в вагонах, на пароходах, телегах, в госпитале и тюрьме, если оно не возбраняется, т.е. случаи, когда человек сам выбирает себе занятие), пение в бою, перед казнью,

а также при нарушении принятых в обществе норм поведения — пьяных грабежах, погромах, карательных операциях и т.п.

Некоторые ситуации пения регулировались уставами старой армии и традициями революционной подполья, причем армейский и революционный каноны не совпадали: например, царскому солдату не положено петь под арестом, а для революционера — это форма сопротивления.

Регламентация песен в уставах царской армии сводилась к следующим правилам:

- нельзя петь ночью;
- нельзя петь арестантам и караульным;
- можно петь на марше;
- можно петь на биваке и в казармах

в свободное время (свободного времени было у нижних чинов пара часов утром и два-три вечером);

— города и селения проходить с музыкой, за исключением времени с 22.00 до 7.00, но в столицах не петь, рядом с православным храмом во время богослужения «песен не петь, в барабаны не бить и музыке не играть» [Устав полевой службы 1916, 72, 124, 161; Устав внутренней службы 1916, 50, 108; Устав гарнизонной службы 1916, 235, 304].

Формально лишь разрешенное пение на марше пехоты и кавалерии было единственной обязательной песенной практикой, не считая ежедневных коллективных молитв, и только его смысл устав поясняет: пением на марше, а также разговорами, курением и расстегиванием воротничков «достигается сбережение сил» [Устав полевой службы 1916, 124].

Регулярные белые армии сохранили прежние уставы, а для Красной армии основные уставы отредактировали в конце 1918 г.: появился пункт, обязывающий вставать в общественных местах при пении «Интернационала» или «народного гимна» (что это за гимн, не объяснялось), а пение в свободное время в казармах и при движении по населенным пунктам более не регулировалось [Устав внутренней службы 1918, 7].

1.1. Пение на марше. Пение на марше в годы Гражданской войны сохранялось независимо от того, признавало ли военное формирование устав. Мера добровольности зависела от обычаев части. Например, вместо приказа могла быть просьба, как в воспоминании забайкальского красного партизана И. Кузнецова

о передвижении отряда весной 1919 г., где отряд поет ради удовольствия:

«Впереди отряда на тяжеловозном гнедом мерине едет командир отряда Тюкавкин Григорий. <...> Тюкавкин старый волк — он многое испытал, а поэтому на общем собрании отряда его избрали командиром. Насчет дисциплины ребята его потрухивали, чуть что — матерком закати. Обращается к нам, кричит:

— Ну, ребята, споем, веселее будет ехать!

— Начинай, Черных, — закричал ряд голосов.

Черных, постоянный запевала, важно разглаживая усы, обращается за советом:

— Какую начинать?

— Мазуроч!..

Черных не заставляет ждать, сразу начинает густым басом.

— Из-за лесу, лесу едут мазура-а-а... Едут, едут мазурочки, везут, везут два веночка» [Партизаны 1929, 141].

Универсальной практикой оставалось и пение на марше в населенных пунктах, особенно при вступлении в населенный пункт прифронтовой полосы. Каждая новая армия показывала жителям песней, кто теперь здесь хозяин.

Артем Веселый в «России, кровью умытой» изображает вступление в кубанский хутор Добровольческой армии в феврале — марте 1918 г.:

«Красные и на сей раз были рассеяны.

Корниловский полк головным входил в хутор. <...>

— Песенники, вперед!

Несколько человек выбежали из строя.

Полк ухнул, с невеселым весельем подхватил и понес по тихой вечерней улице казарменную песню» [Веселый 1983, 139].

С песней, специально построившись в ряды, вступает красный партизанский отряд в забайкальское село 31 декабря 1919 г., о чем вспоминает участник событий Г. Подойницын:

«<...> через полчаса весь отряд стройными рядами вступал в село Бахта, очищенное от белых.

— Трансвааль, Трансвааль — страна родная, — голосисто запеваёт отрядный запевала Яшка.

— Ты вся горишь в огне, — уверенно подхватывает отряд, наполняя стройными бодрящими звуками заспанную улицу деревни.

Из каждого двора, накинув наспех полушубок, шаль или просто какую-нибудь “курмушку”, выбегали крестьяне “посмотреть на большевиков» [Партизаны 1929, 121–122].

Иногда после взятия населенного пункта устраивались парад или праздничная встреча с оркестром, песнями и в парадной одежде, если такая одежда и оркестр были. Это было важно и для самих воюющих, подтверждая их значимость. Политработник Волжской военной флотилии Лариса Рейснер вспоминает обычаи 28-й дивизии Красной армии: «...без праздника, без музыки и встречи армия не почувствует роздыха, своих двадцатичетырехчасовых боевых именин, и наутро ее не сдвинешь с места на новые боевые недели» [Рейснер 1965, 80].

С песней отправлялись из «своего» населенного пункта и в боевой поход.

Наконец, с песней демонстративно маршировали при внутренних раздорах, пытаясь утвердить свое место в рамках коалиции. Если не помогало — в ход шло оружие. Когда летом 1920 г. между семеновцами и 8-м Камским полком каппелевцев возник конфликт за управление станцией Даурия, начальник Даурского полка семеновцев В. Б. Шайдицкий устроил марш с песнями: «Мобилизовав на месте все, что можно, подкрепив форты, я в конном строю и с песнями прошел на виду камцев. Создалось весьма тревожное настроение, и запахло возможностью открытия военных действий» [Шайдицкий 2005, 113].

Военная тематика для маршевых песен не была обязательной; использовались разные песни, подходящие по ритму и отражающие общий опыт, общую идентичность воюющих, стихийно возникшую или сконструированную командованием.

Крестьянская пехота Таманской армии поет в сентябре 1918 г. на Северном Кавказе «Гей, наливайте повніічари» и «Вареники» [Серафимович 1982, 103–104, 114–115], партшкола в ходе восстания гарнизона Верного в июне 1920 г. — «Смело, товарищи, в ногу» [Фурманов 1977, 185–186], матросы в Петрограде во время наступления Юденича осенью 1919 г. — «Яблочко» [Лавренев 1985, 174–175], а вторая бригада буденновцев (в основном казаков) летом 1920 г. шла по Вольни под похабные куплеты [Бабель 1990, 48].

Редко, не только в ситуации марша, упоминается бытование на войне традиционных нерифмованных крестьянских песен. Возможно, отчасти потому, что большинство источников принадлежит перу горожан, а селяне — информанты фольклорных экспедиций — могли не упоминать этих песен как чего-то обыденного. Красивый, но полностью вымышленный пример есть у Вс. Иванова в «Бронепоезде 14–69»: летом 1919 г. на Дальнем Востоке красный отряд из крестьян, рабочих и рыбаков отступает в сопки и поет с гиканьем и свистом «Я рассею грусть-тоску по зеленому лужку» [Иванов 1987, 64–65].

На выбор темы песни влияла окружающая обстановка. Так, с казачьей песней «Прощайте братские станицы» уходил в экспедицию за патронами из окруженного села Зюльза отряд 8-го революционного кавалерийского полка красных забайкальских партизан летом 1918 г., а полк и население его провожали, вспоминал партизан П. Зимин [Партизаны 1929, 116].

Прапорщик Добровольческой армии Р. Гуль описывает прохождение армии в марте 1918 г. через кубанскую станицу Ивановскую, население которой оказало радушный прием. Юнкерский батальон ушел с песней, в текст которой запевала вставил имя станицы:

Во селе Ивановке случилась беда,
Молодая девчоночка сына родила.

И со смехом, гулко подхватывают все
экспромт юнкера:

Трай рай ра-ай раааай,
Молодая девчоночка сына родила...
[Гуль 1993, 259–260].

1.2. Пение в свободное время. Пение здесь добровольное и прежде всего для себя, а не для стороннего слушателя. Оно конкурирует с другими видами досуга: играми, слушанием сказок и историй, чтением, но допускает активное участие неограниченного количества людей (хотя возможно и в одиночку), не требует специальной подготовки и реквизита.

Известны наиболее популярные песни многих частей, исполнявшиеся на досуге. Так, первая рота Сводно-Офицерского (будущего Марковского) полка

Добровольческой армии, набранная из кадровых офицеров, пела в феврале 1918 г. на Кубани «Вещего Олега», в припев которой вставили имя Корнилова, корниловский гимн «Пусть вокруг одно глумленье», «Черных гусар» и цыганскую «Мы живем среди лесов...», которая ассоциировалась с кочевой жизнью армии [Пауль 1993, 191].

В Дроздовской дивизии Добровольческой армии, основу которой составили солдаты и офицеры Румынского фронта, пели в первые месяцы войны «Плещут холодные волны», «Бородино», «Вещего Олега», «Взвейтесь, соколы», «Дроздовский марш», песню о гибели полковника Жебрака и «Вперед, дроздовцы удалые...» [Пронин 1960].

210-й рабочий полк Красной армии, созданный из рабочих Оренбурга, пел весной 1919 г. на Урале «Звонит звонок на счет поверки», «Трансвааль», «Славное море — священный Байкал», «По диким степям Забайкалья», «Из-за острова на стрежень...», «Дуню», «Варшавянку» и «Красное знамя» [Ломакин 1939, 200].

Полк Степана Разина 25-й чапаевской дивизии, созданный как партизанский полк из уральских крестьян, весной 1919 г. на Урале также пел «Из-за острова на стрежень...», «Ермака», «Вещего Олега» с припевом про Совет народных комиссаров, «Смело мы в бой пойдем» и «Акафист чапаевцев» — пародию на религиозное песнопение [Фурманов 1971, 222–224].

Как и в случае с маршевыми песнями, репертуар связан с общим опытом личного состава части, довоенным или приобретенным на войне. Кроме общих любимых песен частей, были любимые песни более локальных групп, вплоть до одного участника войны, подобного герою «Гренады» М. Светлова.

Участники войны называли разные причины пристрастия к пению в свободное время. Песни, по их словам, сблизжали, поднимали дух. Одно из самых распространенных мнений: без песен на войне невозможно, потому что «нужно жить» [Бабель 1990, 110–111]. То есть более важной в определенной ситуации могла быть не идеологическая и организационная роль песен, отмеченные в трудах фольклористов [Астахова 1934, 10; Абрамкин 1938, V и др.], а способность с их помощью отстраниться от войны.

1.3. Пение в ходе военных ритуалов.

Система ритуалов у разных воюющих

сторон была разной; могли различаться и традиции исполнения одного и того же ритуала.

Парады также проходили разнообразно — войска двигались и могли при этом петь, но далеко не все практиковали пение молитв, а торжественные похороны проходили либо с пением траурного марша — на революционный манер («красные похороны»), либо под звуки оркестра, как в царской армии, либо обе традиции комбинировались.

В качестве похоронной песни чаще всего упоминается «Вы жертвою пали...» — похоронный марш русского революционного движения, который использовался как официальный при Временном правительстве [Колоницкий 2001, 17–18, 38–56], а в годы Гражданской войны — в Красной армии и у красных партизан. В «Железном потоке» Серафимовича его исполняет толпа, превращаясь в Таманскую армию; звуки этого марша сопровождали первый поход Добровольческой армии в начале 1918 г. — это в окрестных хуторах противники добровольцев хоронили павших [Серафимович 1982, 14–16; Гуль 1993, 278].

Под звуки похоронного марша (скорее всего, «Вы жертвою пали...») хоронили своих павших участники Кронштадтского мятежа [Кронштадтская трагедия 1999, 476], а большевики — павших при его подавлении. Первые похороны прошли на площади Свободы (Якорной) в Кронштадте, вторые — на площади Урицкого (Дворцовой), где хор пел также реквием Керубини и марш «Не плачьте над трупами» [Кронштадт 1997, 227].

Траурный марш в целом пели и в знак уважения к погибшим соратникам. Собрание 2-й сотни 5-го Забайкальского кавалерийского полка Народной армии Дальневосточной республики, состоявшееся 22 августа 1920 г. и посвященное ситуации в Советской России, вынесло решение: «...в память погибших борцов за свободу, пропеть революционный похоронный марш, а за здравствующих прокричать “ура”» [Партизаны 1929, 176].

К революционной традиции восходит исполнение красными и анархическими формированиями революционной песни в завершение митинга или собрания.

Известны и специфические ритуалы с песнями. В красном партизанском отряде, действовавшем под Нерчинским

заводом весной 1919 г., новобранцы после первого боя исполняли песню «Красная лента», затем им вручали саму ленту — символ полноправного члена отряда [Стихи, песни, частушки 1957, 332].

1.4. Пение в бою. Пение на Гражданской войне в бою, в том числе в атаке, красочно изображенное в советской художественной литературе и кинематографе, несвойственно прежним российским войнам. Всеобщей практикой на Гражданской войне оно тоже не было: большинство зафиксированных случаев относится к партизанам или частям, наспех собранным из гимназистов, студентов, рабочих, коммунистов, матросов или интернационалистов. С одной стороны, пение «непрофессионалов» на войне можно объяснить переносом на боевую ситуацию привычных моделей песенного поведения: на манифестациях, при столкновениях с полицией, совместном труде и отдыхе. С другой стороны, важно, что части, певшие в бою, были, как правило, добровольческими, и большую роль в них играла неформальная связь; совместное исполнение песни эту связь укрепляло.

«Конечно, в бой идешь, если пехота, так они это поют несомненно», — сообщил А. В. Гуревичу бывший партизан Горелов, воевавший в восточносибирской партизанской армии Зверева [Материалы по фольклору 1932–33. П. 1. Д. 7. Л. 1–5].

Штабс-капитан Ф. Мейбом, воевавший в Народной армии Комитета членов учредительного собрания, вспоминает, как в августе 1918 г. Московская коммунистическая дивизия шла на них с «Интернационалом» в атаку под Казанью [Мейбом 2003, 117].

Капитан В. Вырыпаев пишет, как сама Народная армия тем же летом 1918 г. ходила в атаку под цыганский романс «Шарабан», который до этого был паролем подпольной антибольшевистской организации, ставшей ядром армии: «Распевая “Шарабан”, наша пехота часто шла в атаку на красных, во главе с Борисом Бузковым, который был ранен в Гражданскую войну шесть раз. Под деревней Беклемишево (под Казанью), ведя свою пехоту под звуки “Шарабана” в атаку на красных, Бузков был ранен в правую руку навывлет, и, перехватив револьвер левой рукой, он под тот же “Шарабан” продолжал идти на красных. Ближайший солдат на ходу сделал ему перевязку. Скоро другая пуля пробил

ему плечо. Бузкова положили на носилки, перевязали и, истекающего кровью, понесли в тыл. Но он не переставая вполголоса продолжал напевать все тот же “Шарабан”» [Вырыпаев 2003, 46–47].

Согласно материалам экспедиции В. М. Сидельникова 1936 г., пение в бою было обычаем партизанских полков чапаевской дивизии, и запевалы шли в атаку в первой цепи. При штурме Уральска, столицы главных врагов чапаевцев — уральских казаков, Чапаев сам вышел вперед, затянул песню и повел бойцов [Устные рассказы 1936. Л. 4, 90–91].

Военной тематики и идеологического содержания в песнях для атаки могло не быть. У Артема Веселого красные партизаны берут осенью 1918 г. Армавир под песенку «Цыганка Галька»:

Цыганка Галька,
Цыганка Галь,
Цыганочка черная,
Ты мне погадай...
[Веселый 1983, 257–258]

1.5. Пение пленного перед казнью. На Гражданской войне не действовали международные конвенции о гуманном отношении к пленным и стали возможными их казни. Большинство примеров пения перед казнью или под угрозой казни сводятся к двум ситуациям: 1) пленного заставляют петь идеологически нагруженную песню — из репертуара своей воюющей стороны или противника; 2) человек по собственной воле поет в момент казни.

А. Кривошеев, командир 517-го полка красных, вспоминает эпизод лета 1919 г. под Киевом. Красная часть взяла в плен белых артиллеристов, одного из которых посадили на плечи другого и заставляли петь: «Тут уж наши товарищи бессарабцы, захватившие артиллерию, позволили некоего безобидного издевательство над одним из “его превосходительство” так лет под 50. На вид старик довольно плотный. Ему посадили на плечи прапорщика и заставили, чтоб последний всю дорогу пел “Интернационал”. Генерал, конечно, нес прапорщика, пыхтя и ввязая в песках, а прапорщик заявил, что он “Интернационала” не знает, что он знает только “Яблочко”.

— Ну, пой “Яблочко”, черт с тобой, но не сиди зря на шее у старого человека.

И вот, прапорщик до хрипоты всю дорожку пел “Яблочко”. Какая судьба постигла всех этих фронтовых “артистов” — я не знаю» [Кривошеев 1923, 225].

В мемуарах и художественной литературе часто упоминается пение сторонника советской власти в момент казни [Партизаны 1929, 199; Вересаев 1989, 208; Чубенко 2006, 757 и др.], хотя нет гарантии, что во всех этих случаях авторы ориентировались на факты, а не на представление о правильной смерти героя и каноны изображения этой смерти. Можно строить разные версии, кому в первую очередь адресовано такое пение. Вытеснение ли это собственного страха, или способ продолжения идеологической войны — тогда песня адресована палачам и зрителям.

1.6. Пение участников погромов, казней, пыток. Помимо нормативных и постоянных для войны ситуаций пения, оно фиксируется и в ситуациях, отмеченных как ненормативные, нарушающие поведенческие или моральные нормы, превышающие нормы жестокости с точки зрения жертвы или внешней стороны. Такое пение характерно не только для Гражданской войны, но война расширяет возможность бесконтрольного насилия.

Генерал Деникин писал о далеком от идеального моральном облике воюющих: «Было бы лицемерием со стороны общества, испытавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высших добродетелей. Был подвиг, была и грязь» [Деникин 1993, 86].

Каратель и военный дебошир времен Гражданской войны, неважно — красный, белый или иной, в мемуарах, художественной литературе и пропагандистских текстах часто изображается поющим на разных этапах своих действий.

Поет пьяный красный карательный отряд в 1918 г., отправляясь усмирять городок Талгар в Семиречье, отказавшийся отдать хлеб. В результате началось восстание [Фурманов 1977, 49–50]. И. Казак, очевидец массовой казни семеновцами гражданского населения в районе станции Тарская, вспоминает, как палачи, возвращаясь обратно, сидели на крыше вагонов бронепоезда и горланили: «За царя, за родину, за веру» [Партизаны 1929, 94].

Предрасположенность к песне карателей трудно связать с какой-либо социальной группой, идеологией, типом

организации армии или другими институциональными чертами. Не все они считали свои действия недопустимыми; эйфория от алкоголя и безнаказанности, как и желание отстраниться от происходящего, могли усилить желание петь, чтобы выплеснуть эмоции.

1.7. Отказ от пения. Как отдельную практику можно выделить сознательное, символически значимое «не пение» в ситуациях, когда пение ожидается другими. Такой отказ — знак протеста или по меньшей мере утраты чувства единства.

Так, не поют мятежники, наряду с другими отклонениями от песенных обычаев прежнего коллектива, например, пением песен, которые в нем не поощрялись. 234-й Оршанский полк, ранее героически себя проявивший против Колчака, отказался штурмовать мятежный Кронштадт и вместо «Интернационала» после митинга затянул «буржуйские песни» [Кронштадт 1997, 175]. Не поют (либо поют вразнобой) разложившиеся формирования. Дивизия Унгерна, вышедшая в поход против красных из Урги в мае 1921 г., по пути деморализовалась, перестала петь хором, а затем разбежалась; но, прорвавшись к китайской границе, ее остатки снова запели [Макеев 2005, 73–98].

2. СОЧИНЕНИЕ ПЕСЕН

Отражение новых реалий требовало и новых песен, которые воюющие обычно создавали на основе популярных старых. Минимальное преобразование — замена имен и географических названий.

Сочинительство было массовым, опусываться мог любой хоть сколько-нибудь значащий эпизод. Боец народно-революционной армии Дальневосточной республики И. П. Мельников пытался записывать все сочиненные вокруг песни, но столкнулся с физической невозможностью это сделать: «Бумаги не хватало, с карандашами трудновато приходилось, а не будь этих недостатков, я бы сотни новых песен записал, ведь там что ни день, то новую услышишь. Не успеет закончиться бой, так про него уже поют, кто отличился, кто струсил, как враги себя вели и про многое другое» [Элиасов 1958, 109].

Известны примеры как коллективного сочинения, так и делегирование его людям с поэтическими способностями. Несколько текстов гимнов Добровольческой

армии создали прапорщик Корниловского полка А. П. Кривошеев и прапорщик Дроздовского полка И. В. Виноградов. Собственные самодеятельные поэты были у сибирских и дальневосточных партизан, из них наиболее известные — Ребров-Денисов, воевавший под Илимском, Усть-Кутом и Иркутском, сучанский партизан К. Рослый и Г. Отрепьев, партизанивший под Уссурийском.

Для военной части было важно иметь «свою» песню, даже если она отличалась от «не своих» лишь парой слов. Красноармеец А. Орлов вспоминает взятие Перми в июле 1919 г.:

«Здесь впервые прозвучала маршевая песня, сложенная бойцами нашего эскадрона. В ней были такие слова:

Горы, вершины,
Мы вас увидим вновь...»
[Орлов 1969, 68].

Песни с этими строками пелись еще во времена Кавказской войны, но автор мемуаров воспринимает песню как сложенную в эскадроне, а не переделку.

Сочинять песни не прекращали и при развитии альтернативных форм фиксации окружающих событий (в газетных новостях, например), хотя, возможно, доля низового творчества по мере того, как армии становились более регулярными и централизованными, падала.

Основные темы новых песен — описание отдельных боев и операций, боевого пути или быта, прославление командиров, критика врагов, призыв в бой за лучшее будущее или просто в бой и, наконец, почтение павших.

Например, песенка о боевом пути красных партизан из-под Архангельска:

Как в тайге мы партизанили,
Знает тундра да снега.
Льва Британии мы ранили,
Били лютого врага
[Липец 1936. Л. 2].

Припев «Вещего Олега», переделанный в Добровольческой армии в честь ее командующего генерала Корнилова:

Так за Корнилова! За родину! За веру!
Мы грянем громкое ура!
[Гуль 1993, 231].

Красноармейская частушка боев за Перекоп в 1920 г., иронизирующая над белогвардейцами:

Мы рубили Колчака,
Рубили и Деникина,
Набузем и барону,
В Черно море выкинем
[Сидельников 1938. Л. 161].

Песня иркутских повстанцев 1921 г. (по версии советского автора — «бандитов»), призывающая на борьбу:

Свергнув же власть коммунизма,
Задав бездельникам страсть,
Сердцем беззлобным, повстанец,
Устроим народную власть
[Хвалевнов 1923, 33].

Наконец, песня ибирских красных партизан о павших:

Прощайте, товарищи! Вечный покой.
Вы навек от нас удалились.
Для вас роковым под Усть-Кутом был бой,
Но храбро с врагами вы бились
[Стихи, песни, частушки 1957, 107].

Песни об отдельных эпизодах с обилием имен и географических названий бытовали, прежде всего, среди участников этих эпизодов, иногда их сочинитель был единственным исполнителем. Они вскоре забывались. Потенциальная среда бытования песен с типизированными сюжетами шире — они могли стать песнями крупных формирований и воюющих сторон в целом. Это явление отмечено и на материале других войн, не только российских [Гусев 1979, 79–80].

3. ПУБЛИКАЦИЯ, ЗАПИСЫВАНИЕ И ЧТЕНИЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН

Поскольку эти практики не существуют автономно, рассмотрим их по видам материальных носителей. Россия времен Гражданской войны не была страной полной грамотности, однако, например, генерал Деникин утверждал, что перед Первой мировой войной не менее 60 % призывников были грамотными, а остальных в армии учили [Деникин 1991, 90, 93]. В годы Гражданской школы грамоты действовали, по крайней мере, в Красной армии, у махновцев [Нестор Махно 2006, 105]

и в эвакуированной из Крыма Русской армии Врангеля [Ряснянский 2003, 216].

3.1. Песни в газетах. Газеты Гражданской войны по структуре напоминали до-революционные. Публиковались сводки с боев, распоряжения властей, объявления, анонсы культурной жизни, фельетоны, а часто также стихи и песни, вернее, стихотворные тексты с пометкой, на какой мотив они должны исполняться, либо этот мотив угадывался интуитивно. Обычно основой были популярные невоенные либо революционные песни, возможно, их авторы были обычно штатскими.

Лишь единицы из этих текстов были зафиксированы позднее как устные песни, например, «Ижевская баллада» Н. Арнольда, растиражированная в колчаковских газетах:

Порваны цепи кровавого гнета.
Гневно врага уничтожил народ.
И закипела лихая работа,
Ожил рабочий и ожил завод
[За родину 1919. № 60. 12 авг.].

В мемуарах белогвардейцев варианты баллады цитируются как боевая песня частей, сформированных из рабочих Ижевского завода [Апрелев 2003, 339].

Большинство газетных песен лишь формально копировали поэтический размер прототипа, но ни лексика, ни образы, ни сюжет не способствовали превращению в устную песню. Часто в текстах просто механически нагромождались идеологические штампы. Например, «Песнь освобождения» на мотив Марсельезы из восьми куплетов с припевом:

Отрешимся от ложных учений,
Отряхнем мы их прах с наших ног.
Нам не нужно безбожных движений,
С нами церковь святая и Бог
[За родину 1919. № 45. 24 июля].

Очевидно, в большинстве случаев редакция и не ориентировалась на устное бытование, важен был сам факт публикации в периодическом издании агитационного текста. В пользу этого говорит выпуск газет на гектографе или пишущей машинке, если под рукой не было типографии. Например, на гектографе размножалась в начале 1919 г. газета партизан Минусинского фронта

«Крестьянская Правда» [Петров 1933, 146]. В ней печатали стихотворные тексты самодеятельных поэтов, которые «ярко выражали злобу дня». Взяв Минусинск, партизаны выпустили типографскую газету «Соха и Молот», где продолжали публиковать стихи и песни, в основном подражавшие поэзии XIX в. и насыщенные античными образами. Этих песен не пели, несмотря на привычные мотивы и попытки разучивать централизованно, но любили читать из-за звучных фраз, а иногда и переписывали [Саянский 1925, 213, 221].

Низовое творчество публиковалось и в газетах других воюющих сторон. Вот, например, песня на основе «Воздушного корабля» Лермонтова из белогвардейской газеты за подписью пулеметчика 3-го Северного полка Тимофея Козлюкина:

По Архангельско-Вологодской железной
дороге,
По насыпи жестокой, крутой
Стремительно поезд «Колчак» наш несется.
Несется с курьерской быстротой.
Не видно на нем командира,
Не слышно команды на нем,
И старые емские шпалы —
Все это ему нипочем
[За Россию 1919. № 17. 25 (12) сент.].

Публиковать или не публиковать песни, какие именно — это был выбор редакции, т.е. сознательное действие узкого круга людей. Публиковались почти исключительно идеологически нагруженные тексты песен. Газетные песни — это, прежде всего, пропаганда.

3.2. Листовки с песнями. Листовки с песнями, как и газеты, предназначались и для своего воюющего лагеря, и для агитации противника и населения. Например, песня из листовки анархической группы Нарвского р-на Петрограда, выпущенной на рубеже 1917 и 1918 гг., могла адресоваться и самим анархистам, и населению:

Смело поднимем мы черное знамя
Над угнетенною силою труда.
Пусть разгорится анархии пламя
И сокрушит рабский гнет навсегда
[Анархисты 1999, 118].

Примеров листовок с песнями по сравнению с количеством газетных публикаций

песен очень мало: большинство известных листовок написаны прозой, хотя вообще песни на листовках для агитации часто подходили лучше, чем статьи, так как были более доступны для понимания в малограмотной среде и удобны для дальнейшего, уже устного, распространения, о чем вспоминают люди, занимавшиеся агитацией.

Агитатор Т. Конов сообщал в отчете Верхнеудинской организации большевиков (ныне г. Улан-Удэ) о своей работе в войсках атамана Семенова: «Работа идет успешно. Литературу распространил. Солдаты зачитываются нашими газетами, они интересуются, как обстоят дела в России, что будет с Советами. Надо еще газет и листовок, только пусть как можно больше помещают маленьких статей. Хорошо бы было, если бы еще прислали мне стишки и песни про Семенова, Колчака, а также призывные, пусть, мол, бросают семеновские солдаты оружие и идут к своим братьям помогать восстанавливать Советы.

Те маленькие стихи и песни, что мне удалось захватить с собой, разошлись среди солдат быстро. Некоторые солдаты заучили их и пересказывают друг другу» [Стихи, песни, частушки 1957, 23].

Нестор Махно вспоминает, как весной 1918 г. был инициатором выпуска в Гуляй-Поле анархической листовки против переговоров с Центральной радой и немецкими войсками. Текста он не приводит, но как заголовок взяты слегка измененные слова революционной песни «Слу-шай!»: «Как дело измены, как совесть тирана, весенняя ночька темна...» (агитационные тексты махновцы писали по-русски, хотя общались на украинском) [Махно 2005, 195]. Листовка отсылала к песне, содержание которой, по мнению Махно, должно было быть известным адресатам, а сама песня близка им.

3.3. Печатные песенники появлялись редко и особенно ценились. Мне не встретилось ни одного белогвардейского песенника времен Гражданской войны, только красноармейские и анархические.

В «красных» песенниках 1918–1919 гг. публиковались, прежде всего, старые, проверенные временем революционные песни и новые стихи. Часто это были переиздания песенников 1917 г. или других песенников времен Гражданской войны.

Так, в Российской национальной библиотеке хранятся семь фронтовых и провинциальных переизданий «Боевых песен

коммунистов», выпущенных ЦИК Советов в 1918 г. [Боевые песни 1918]. В сборник вошли 13 текстов, из них семь старых революционных песен — «Интернационал», «Красное знамя» («Слезами залит мир безбрежный...»), «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали» и «Беснуйтесь, тираны!», а также менее известные — «Песнь пролетариев» («Мы марсельезы гимн старинный...») и «Уж красное знамя зардело...». Остальные пять текстов — новые стихи, и лишь один из них на песенный мотив — «Коммунистическая марсельеза» Д. Бедного.

Часто встречаются в песенниках Гражданской войны также старые революционные песни «Отречемся от старого мира», «Дубинушка», «Машинушка» и «Слу-шай!».

Однако в устном бытовании у красных были повсеместно распространены лишь пять прежних революционных песен: «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя» и «Мы — кузнецы»: в первых трех речь идет о бое, что сближает их с армейскими песнями, а «Мы — кузнецы» перешла с фронтов Первой мировой войны [Друскин 2012, 204].

Потребность в песенниках была огромной, их не хватало, В конце 1918 г. на Восточном фронте под Уфой А. Серафимович написал для «Правды» инструкцию о том, что присылать бойцам на фронт. В ней значились письменные принадлежности, *беллетристика и песенники, потому что «слов не знают»* [Серафимович 1987, 105–106].

В 1919 г. партийное руководство Чапаевской дивизии направило письмо в ЦК партии большевиков, требуя «родить» новые песенники, а если они есть — то срочно прислать [Фурманов 1971, 230–231].

В итоге появились новые песенники, одной из целей которых была унификация исполнения. Политуправление Петроградского военного округа при участии композитора Г. Варлиха, который ранее руководил Придворным оркестром, а потом возглавил красноармейские оркестры Петрограда, в начале 1920 г. выпустило даже серию нотированных сборников. В них вошли как старые революционные, так и специально написанные песни. На последней обложке красовалась ремарка: «Для достижения единства в исполнении, Полит.

Просвет. Управление Петроградского Военного Округа и Агит. отд. П[етроградского] К[омитета ВКП(б)] рекомендует всем военным, рабочим и другим хорам исполнять “Интернационал” и остальные хоровые произведения в помещенной аранжировке» [Гимны и песни 1920].

3.4. Рукописные песенники. Они велись в русской армейской среде и на войнах, предшествовавших Гражданской. Упомянувшийся уже И. П. Мельников вспоминал, что в Гражданскую войну песни записывать было проще, чем в Русско-японскую и Первую мировую, потому что теперь за это не преследовали [Элиасов 1958, 107–112].

Две частушки о Махно внесла в свой дневник его жена Галина Кузьменко — потом дневник захватили красные, и на двух частушках запись оборвалась [Кузьменко 2006, 838].

Некоторые собирали песни для себя, другие, как Мельников, пытались сохранить для будущего, а кто-то собирал для агитации. Бывший фронтовик Е. Л. Петров распространял в Прибайкалье песни и стихи против Колчака и Семенова, отпечатанные подпольщиками. За это угодил в тюрьму, а когда вышел, стал сам собирать от крестьян и партизан новые песни и распространять их в деревнях и отрядах. Страсть к собирательству он сохранил, даже заняв командные должности: «Песня не только заполняет досуг, но она не дает человеку забывать ни на минуту своих задач и обязанностей. Когда я приходил в отряд, то меня спрашивали вчерашние мужики из деревни, а ныне партизаны — “ну, дескать, чем ты нас сегодня попотчешь”, значит, какую новую песню, может, принес. И когда я стал командиром партизанского полка, а потом командующим Южным и Юго-Западным фронтом Прибайкалья, то все равно всегда интересовался песнями и постоянно заносил их к себе в книжечку рядом с донесениями от командиров рот или полков» [Элиасов 1982, 13].

Переписывали песни не только своего, но и чужого лагеря. Корниловец Р. Б. Гуль сохранил песню и опубликовал в мемуарах, сочиненную красными после неудачного боя под Лежанкой в марте 1918 г.:

Долго, долго мы слушали
Этих частных телеграмм,

Наконец мы порешили
Защищать Лежанский план
[Гуль 1993, 305–307].

Чапаеву бойцы подарили аккуратно переписанную песню, захваченную у белых казаков:

Много есть у них снарядов,
Много пушек и мортир,
И ведет их, подбоченясь,
Сам Чапаев, командир
[Фурманов 1971, 276–277].

Рукописные песенники восполняли нехватку печатных песенников и создавали личное пространство в ситуации, когда все личное ограничено военными реалиями. Они продолжали бытовать в отечественной армейской среде и спустя десятилетия [Поэзия в казармах 2008].

4. ДРУГИЕ ПЕСЕННЫЕ ПРАКТИКИ

В числе других практик отмечу слушание песен, не предполагающее одновременно их пения слушателями: граммофонные пластинки и концерты. Они расширяли круг песен, обращавшихся на фронте, в том числе за счет музыкальной классики, которую вне войны многие ее участники могли и не услышать.

Красная Таманская армия, состоящая из крестьян, казаков и черноморских моряков, два летних месяца 1918 г. пробивалась с боями вдоль Черного моря на соединение с основными силами, и на протяжении всего пути играл ее единственный граммофон. Его репертуар отразил Серафимович в «Железном потоке»: «Блоха», «Выйду ль я на реченьку...», «Не искушай...», «На земле весь род людской...», «Боже, царя храни» (эту пластинку тут же разбили), «Уймись, волнения страсти», «Уж я не верю увереньям», куплеты тореадора из «Кармен», «Куда, куда, куда вы удалились» [Серафимович 1982, 79, 81–82, 103–104, 114–115].

В 1919 г. воюющие стороны обзавелись фронтовыми театрами, видное место в репертуаре которых занимали песни; в ход шел и репертуар довоенных классических исполнителей. Об этом писал, например, Л. Н. Гранат, сотрудник театра Туркестанской армии, а затем 25-й чапаевской дивизии [Гранат 1982]. Большевики пытались даже мобилизовать артистов для нужд фронта, подобно тому как мобилизовали царских офицеров.

В начале апреля 1919 г. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны — высший чрезвычайный орган РСФСР в 1918–1920 гг. — приказал встать на учет всем сценическим и театральным работникам для использования в Красной армии [Русская советская эстрада 1976, 41], хотя и без этого хватало желающих выступать ради выживания в голодных военных условиях.

Изучение песен в разрезе практик позволяет выявить различие песенных традиций разных воюющих групп и их репертуара как в целом, так и применительно к разным ситуациям и формам бытования.

В ходе всей Гражданской войны были популярны известные еще до нее песни литературного происхождения — армейские,

революционные либо просто распространенные в мужской среде, вроде «Из-за острова на стрежень», «Ермака» или «Трансвааля». Их успешности способствовала созвучность общему опыту конкретной группы воюющих и обстановке: например, слова «Трансвааля» о стране, объятый огнем войны, оказались актуальными для многих.

Новые песни, отражая новые реалии, теснили старые — но в разных сферах в разной степени. В рукописные песенники и газеты попадали, как правило, только новые песни. Преимущественно они применялись и в некоторых других случаях — становились гимнами частей, которые исполнялись на парадных маршах, а иногда и в бою.

Литература

Абрамкин 1938 — *Абрамкин В. М.* Фронтная поэзия в годы гражданской войны // Фронтная поэзия в годы гражданской войны / Под ред. В. М. Абрамкина. М., 1938. С. V — X.

Азадовский 1924 — *Азадовский М.* Беседы собирателя. Иркутск, 1924.

Азадовский 1925 — *Азадовский М.* Беседы собирателя. Иркутск, 1925.

Анархисты 1999 — *Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.* В 2 т. М., 1999. Т. 2. 1917–1935 гг.

Апрелев 2003 — *Апрелев Б.* Ижевцы и воткинцы // 1918 год на Востоке России / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 338–341.

Астахова 1934 — *Астахова А. М.* Фольклор гражданской войны // Советский фольклор. Л., 1934. Вып. I. С. 9–39.

Астахова, Новиков 1964 — *Астахова А. М., Новиков Н. В.* Русский традиционный фольклор в годы Великой Отечественной войны // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 41–80.

Бабель 1990 — *Бабель И. Э.* Конармия // Бабель И. Э. Рассказы. Сыктывкар, 1990. С. 14–122.

Боевые песни 1918 — Боевые песни коммунистов. М., 1918.

Вересаев 1989 — *Вересаев В. В.* В тупике. Л., 1989.

Веселый 1983 — *Веселый А.* Россия, кровью умытая // Веселый А. Избранная проза. Л., 1983. С. 5–452.

Вырыпаев 2003 — *Вырыпаев В.* Каппелевцы // 1918 год на Востоке России / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 43–82.

Гимны и песни 1920 — Гимны и песни Красной Армии. [Пг.], 1920. Вып. 2.

Гранат 1982 — *Гранат Л. А.* Красноармейский театр // Говорят чапаевцы. Уфа, 1982. С. 280–293.

Гуль 1993 — *Гуль Р. Б.* Ледяной поход // Белое дело. Избр. произв.: В 16 кн. М., 1993. С. 217–312.

Гуревич 1932 — *Гуревич В. А.* Письмо М. к Азадовскому из Иркутска в Ленинград от 2 окт. 1932 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. К. 31. П. 2. № 2. Л. 17–18.

Гусев 1964 — *Гусев В. Е.* Введение // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л. 1964. С. 3–8.

Гусев 1979 — *Гусев В. Е.* Славянские партизанские песни. М., 1979.

Деникин 1991 — *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991.

Деникин 1993 — *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова (Очерки Русской Смуты) // Белое дело: В 16 кн. М., 1993. С. 9–211.

Друскин 2012 — *Друскин М. С.* Русская революционная песня: Исследование // Друскин М. С. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 2012. Т. 5. Русская революционная песня / Сост. С. В. Подрезова. С. 49–303.

За родину 1919 — За родину: газ. воен., обществ. и лит. Семипалатинск, 1919.

За Россию 1919 — За Россию: Нар. газ. Северной области. Архангельск, 1919–1920.

Иванов 1987 — *Иванов Вс.* Бронепоезд 14–69 // Иванов Вс. Партизанские повести. М., 1987. С. 51–107.

Кирдан 1964 — *Кирдан Б. П.* Бытование русского фольклора Великой Отечественной войны // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 267–292.

Колоницкий 2001 — *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001.

Красноармейский фольклор 1938 — Красноармейский фольклор / Под ред. Ю. М. Соколова; Сост. В. М. Сидельников. М., 1938.

Кривошеев 1923 — *Кривошеев А.* Будни Красной Армии (Воспоминания о XII Красной Ар-

мии) // Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии. М., 1923. Т. 2. С. 197–226.

Кронштадт 1997 — Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.: Сост. В.П. Наумов, А.А. Корсаковский. М., 1997.

Кронштадтская трагедия 1999 — Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1.

Крупянская 1964 — Крупянская В. Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.Е. Гусев. М.; Л., 1964. // Советская этнография. 1964. № 5. С. 146–149.

Кузьменко 2006 — [Кузьменко Г.] Дневник жены Н.И. Махно Г. Кузьменко, захваченный в бою 29 марта 1920 г. // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2006. С. 828–838.

Лавренев 1985 — Лавренев Б. А. Седьмой спутник // Лавренев Б. А. Седьмой спутник: Повести. М., 1985. С. 114–189.

Липец 1936 — Липец Р. С. Фольклорные материалы, записанные в г. Архангельске. Автограф. Июль 1936 // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1477. Оп. 1. Д. 40.

Ломакин 1939 — Ломакин И. В 210 рабочем полку // Гражданская война в Оренбургском крае. [Чкалов], 1939. С. 187–201.

Макеев 2005 — Макеев А. Бог войны барон Унгерн // Белая эмиграция в Китае и Монголии / Сост. С.В. Волков. М., 2005. С. 34–102.

Материалы по фольклору 1932–33 — Материалы по фольклору Гражданской войны в Восточной Сибири (Экспедиции фольклорной секции ИАиЭ АН СССР). 1932–33 // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. К. 31.

Махно 2005 — Махно Н. И. Воспоминания // Махно Н. И. Азбука анархиста. М., 2005. С. 24–510.

Мейбом 2003 — Мейбом Ф. Тернистый путь // 1918 год на Востоке России / Сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 82–134.

Нестор Махно 2006 — Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006.

Орлов 1969 — Орлов А. В. Нас водила молодость... // Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. Л.М. Спирин. М., 1969. С. 63–72.

Партизаны 1929 — Партизаны. Чита, 1929.

Пауль 1993 — Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело. Избр. произв.: В 16 кн. Ледяной поход. М., 1993. С. 182–216.

Петров 1933 — Петров П. П. Крутые перевалы. М.; Иркутск, 1933. С. 131–182.

Поэзия в казармах 2008 — Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор / Сост. М. Лурье. М., 2008.

Пронин 1960 — Пронин Д. Записки дроздовца-артиллериста // Пронин Д., Алексан-

дровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918–1920. Нью-Йорк, 1960. С. 101–104.

Пушкарев 1952 — Пушкарев Л. Н. Из наблюдений над творчеством фронтовиков (репертуары и вопросы бытования) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. XI. № 6. С. 529–531.

Пушкарев 1964 — Пушкарев Л. Н. Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 325–344.

Рейснер 1965 — Рейснер Л. Фронт // Рейснер Л. Избранное. М., 1965. С. 19–95.

Русская советская эстрада 1976 — Русская советская эстрада: Очерки истории. 1917–1929 / Отв. ред. Е. Д. Уварова. М., 1976.

Ряснянский 2003 — Ряснянский С. Галлиполи // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 204–222.

Саянский 1925 — Саянский А. Партизанские поэты Минусинского фронта // Сибирские огни. 1925. № 2. С. 207–222.

Серафимович 1982 — Серафимович А. С. Железный поток. Л., 1982. С. 5–156.

Серафимович 1987 — Серафимович А. С. Подарки // Серафимович А. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 103–107.

Сидельников 1938 — Сидельников В. М. По следам Перекопских боев: Рассказы, песни, частушки. Автограф. Июль — август 1938 // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 29.

Скирда 2001 — Скирда А. Нестор Махно: Казак свободы. Париж, 2001.

Соймонов 1956 — Соймонов А. Д. К вопросу о периодизации народного поэтического творчества советской эпохи // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Вып. I. С. 49–62.

Стихи, песни, частушки 1957 — Стихи, песни, частушки времен Гражданской войны в Забайкалье / Ред. Л. Элиасов. Чита, 1957.

Устав внутренней службы 1916 — Устав внутренней службы: Высочайше утв. 23 марта 1910 г. // Сборник всех воинских уставов. В 2 кн. М., 1916. Кн. 2. С. 1–210.

Устав внутренней службы 1918 — Устав внутренней службы: Утв. ВЦИК 29 нояб. 1918 г. М., 1918.

Устав полевой службы 1916 — Устав полевой службы: Высочайше утв. 27 апр. 1912 г. Исправлен по 15 окт. 1916 г. П., 1916.

Устав гарнизонной службы 1916 — Устав гарнизонной службы: Высочайше утв. 16 мая 1900 г. // Сборник всех воинских уставов: В 2 кн. М., 1916. Кн. 2. С. 211–318.

Устные рассказы 1936 — Устные рассказы о В.И. Чапаеве, песни, записанные от бывших бойцов чапаевской дивизии. Автограф В. М. Сидельникова, машинопись, вырезки из газет. 1936 // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 61.

Фурманов 1971 — Фурманов Д. А. Чапаев // Фурманов Д. А. Сочинения: В 2 т. Л., 1971. Т. 1. С. 19–296.

Фурманов 1977 — Фурманов Д. А. Мятёж. Петрозаводск, 1977.

Хвалебнов 1923 — Хвалебнов. Минувшие дни (краткий очерк бандитского движения по Иркутской губернии за 1920–21–22 г.) // Коммунист: Орган Иркутского губ. комитета РКП(б). 1923. № 3. С. 29–36.

Чистов 2005 — Чистов К. В. Традиция в свете фольклористической теории // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 117–123.

Чубенко 2006 — Чубенко А. Дневник Алексея Чубенко // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2006. С. 731–767.

Шайдицкий 2005 — Шайдицкий В. Отдельная Азиатская конная дивизия // Белая эмиграция в Китае и Монголии / Сост. С. В. Волков. М., 2005. С. 105–120.

Элиасов 1958 — Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. I. Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1958.

Элиасов 1982 — Элиасов Л. Е. Народная поэзия Сибири периода гражданской войны // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / Сост. Л. Е. Элиасов. Новосибирск, 1982. С. 3–29.

Ben-Amos 1971 — Ben-Amos D. Toward a Definition of Folklore in Context // The Journal of American Folklore. 1971. Vol. 84. No. 331. P. 3–15.

Dundes 1980 — Dundes A. Who Are The Folk? // Dundes A. Interpreting Folklore. Bloomington, 1980.

Georges 1980 — Georges R. A. Toward a Resolution of the Text/Context Controversy // Western Folklore. 1980. Vol. 39. No. 1. P. 34–40.

Malinowski 1923 — Malinowski B. The Problem of Meaning in the Primitive Languages // Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. Harcourt, 1923. P. 296–355.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Магистр филологии, аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге: Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 3; тел.: +7 (822) 386-76-36; e-mail: rfakhretdinov@eu.spb.ru

SONG PRACTICES OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

RUSTAM FAKHRETDINOV

(European University at St. Petersburg:

3, Gagarinskaya str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation)

Summary. *The research concerning Russian Civil War songs is concentrated on texts of songs, which were composed or performed orally immediately during hostilities. Participants of both sides also used songs, that had been known before the war. Songs existed in different situations and forms, orally as well as written.*

The song is not only restricted to a text with certain tune, but its performance includes actions of some people in given situation. Singing exists as a practice. Thus, analysis from performance perspective should be based on samples of using songs, such as singing, composing by authors, often unknown, publishing etc. It enables to define factors of appearance and transition of song traditions and to characterize repertoire of different groups.

War participants were singing, first of all, when marching, during leisure, during military rites, when leaving into combat, after a good fight, before the execution and being drunk. Some of these situations are typical of all military units, as well as of other wars, but some others, as singing before the execution by the enemy and leaving into combat, are specific for the Russian Civil War.

Songs known before the war formed the basis of the oral repertoire. In 1918–1919 such songs prevailed in printed songsters too. New songs appeared either as published in newspapers and leaflets or handwritten in songsters. New songs were devoted to particular fights, operations, to the fighting way in general, to the everyday life, to the glorification of leaders and humiliation of enemies. They called to battle for the best future and mourned the fallen. Usually, a new song became a hymn of a military unit and was sung during parades or at crucial moments of the battle.

Key words: Russian civil war, songs, practices, performance, folklore.

References

Abramkin V. M. (ed., pref.) (1938) *Frontovaya poeziya v gody grazhdanskoj vojny* Moscow [Battlefield Poetry during the Years of the Civil War]. Moscow. In Russian.

Anarkhisty. Dokumenty i materialy. 1883–1935 gg. (1999) [Anarchists. Documents and Materials. 1883–1935: In 2 vol.]. Moscow. Vol. 2: 1917–1935. In Russian.

Aprelev B. (2003) *Izhevtsy i votkinsy* [Residents of Izhevsk and Votkinsk the Cities]. *1918 god na Vostoke Rossii* [The 1918th in the East of Russia]. Volkov. S. V. (comp.). Moscow. Pp. 338–341. In Russian.

Astakhova A. M. (1934) *Fol'klor grazhdanskoj vojny* [Folklore of the Civil War]. *Sovetskij fol'klor* [Soviet Folklore]. Leningrad. Issue 1. Pp. 9–39. In Russian.

Astakhova A. M., Novikov N. V. (1964) *Russkij traditsionnyj fol'klor v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Russian Traditional Folklore in the Period of the Great Patriotic War]. *Russkij fol'klor Velikoj Otechestvennoj vojny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Astakhova A. M., Novikov N. V. (eds.). Moscow; Leningrad. Pp. 41–80. In Russian.

Azadovskij M. (1924) *Besedy sobiratelya* [Conversations of the Folklore Collector]. Irkutsk. In Russian.

Azadovskij M. (1925) *Besedy sobiratelya* [Conversations of the Folklore Collector. The 2nd Ed., Corr. and accompl.]. Irkutsk. In Russian.

Babel' I. E. (1990) *Konarmiya* [Red Cavalry Army]. *Rasskazy* [Novels]. Syktyvkar. Pp. 14–122. In Russian.

Ben-Amos D. (1971) *Toward a Definition of Folklore in Context. The Journal of American Folklore*. 1971. Vol. 84. No. 331. Pp. 3–15. In English.

Boevye pesni kommunistov (1918) [Battle Songs of the Communists]. Moscow. In Russian.

Chistov K. V. (2005) *Traditsiya v svete fol'kloristicheskoy teorii* [Tradition in the Light of Folkloristics Theory]. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow. Pp. 117–123. In Russian.

Chubenko A. (2006) *Dnevnik Alekseya Chubenko* [Diary of Aleksey Chubenko]. *Nestor Makhno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy* [Nestor Makhno. Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921: Documents and Materials]. Danilov V., Shannin T. (eds.). Moscow. Pp. 731–767. In Russian.

Denikin A. I. (1991) *Put' russkogo ofitsera* [The Path of the Russian Military Officer]. Moscow. In Russian.

Denikin A. I. (1993) *Bor'ba generala Kornilova (Ocherki Russkoy Smuty)* [The Struggle of Kornilov the General (Essays on the Russian Disturbance)]. *Beloe delo* [The Deal of the White: In 16 vol.]. Moscow. Pp. 9–211. In Russian.

Dundes A. (1980) *Who Are The Folk?* Dundes A. *Interpreting Folklore*. Bloomington. In English.

Eliasov L. (ed.) (1957) *Stikhi, pesni, chastushki vremen Grazhdanskoj vojny v Zabaykale* [Poems, Songs, “Chastushka” the Ditties from the Period of the Civil War at Trans-Baikal Area]. Chita. In Russian.

Eliasov L. E. (1958) *Russkij fol'klor Vostochnoy Sibiri. Chast' I. Sobirately i issledovateli russkoy narodnoj poezii Vostochnoy Sibiri* [Russian Folklore of the Eastern Siberia. Part 1. Collectors and Researchers on Russian Folk Poetry of the Eastern Siberia]. Ulan-Ude. In Russian.

Eliasov L. E. (1982) *Narodnaya poeziya Sibiri perioda grazhdanskoj vojny* [Folk Poetry of Siberia during the Period of the Civil War]. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoj vojny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Eliasov L. E. (comp.). Novosibirsk. Pp. 3–29. In Russian.

Furmanov D. A. (1971) *Chapaev* [Chapaev]. *Sochineniya* [Works: In 2 vol.]. Leningrad. Vol. 1. Pp. 19–296. In Russian.

Furmanov D. A. (1977) *Myatezh* [The Rebellion]. Petrozavodsk. In Russian.

Georges R. A. (1980) *Toward a Resolution of the Text/Context Controversy. Western Folklore*. 1980. Vol. 39. No. 1. Pp. 34–40. In English.

Gimny i pesni Krasnoy Armii (1920) [Anthems and Songs of the Red Army]. <Petrograd>. Issue 2. In Russian.

Granat L. A. (1982) *Krasnoarmejskij teatr* [Red Army Theatre]. “*Govoryat chapaevtsy*” [Warriors of Chapaev Speaking]. Ufa. 1982. Pp. 280–293. In Russian.

Gul' R. B. (1993) *Ledyanoy pokhod* [Ice March]. *Beloe delo* [The Deal of the White: In 16 vol.]. Moscow. Pp. 217–312. In Russian.

Gurevich V. A. (1932) *Pis'mo M. k Azadovskomu iz Irkutsk v Leningrad ot 2 okt. 1932 g.* [Letter of M. to Azadovskij from Irkutsk to Leningrad from the 2nd of October 1932]. In: *Rukopisnyy otdel Instituta Russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. M V. B 31. 2. No. 2. Pp.17–18]. In Russian.

Gusev V. E. (1964) *Vvedenie* [Introduction]. *Russkij fol'klor Velikoj Otechestvennoj vojny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Moscow; Leningrad. Pp. 3–8. In Russian.

Gusev V. E. (1979) *Slavyanskije partizanskije pesni* [Slavic Guerilla Songs]. Moscow. In Russian.

Druskin M. S. (2012) *Russkaya revolyutsionnaya pesnya. Issledovanie* [Russian Revolutionary Song: Studies.]. *Sobr. soch.* [Coll. Works: In 7 vol.] Ed. by S. V. Podrezova. St. Petersburg. Vol. 5. Pp. 49–303. In Russian.

Ivanov Vs. (1987) *Bronepoezd 14–69* [The Armed Train No. 14–69]. *Partizanskije povesti* [Guerilla Novels]. Moscow. Pp. 51–107. In Russian.

Khvalebnov (1923) *Minuvshie dni (kratkiy ocherk banditskogo dvizheniya po Irkutskoy gubernii za 1920–21–22 g.)* [Bygone Days (Brief

Essay on Bandit Movement in Irkutsk Province during 1920–1922]. *Kommunist: Organ Irkutskogo gub. komiteta RKP(b)* [The Communist. The Organ of the Irkutsk Province Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. Irkutsk. 1923. No. 3. Pp. 29–36. In Russian.

Kirdan B. P. (1964) Bytovanie russkogo fol'klora Velikoy Otechestvennoy voyny [Existence of the Russian Folklore of the Great Patriotic War]. *Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Ed. by Astakhova A. M., Novikov N. V. Moscow; Leningrad. Pp. 267–292. In Russian.

Kolonitskiy B. I. (2001) Simvoliy vlasti i bor'ba za vlast' [Symbols of Authority and Struggle for the Authority]. St. Petersburg. In Russian.

Krivoshchev A. (1923) Budni Krasnoy Armii (Vospominaniya o XII Krasnoy Armii) [Everyday Life of the Red Army (Memoires about the 12th Army)]. *Grazhdanskaya voyna. Materialy po istorii Krasnoy Armii* [The Civil War. Materials on the History of Red Army]. Moscow. Vol. 2. Pp. 197–226. In Russian.

Kronshtadtskaya tragediya 1921 goda: Dokumenty (1999) [Tragedy of Kronstadt in 1921: Documents: In 2 vol.]. Moscow. Vol. 1. In Russian.

Krupyanskaya V. (1964) <Review upon:> Gusev V. E. (ed.) Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Moscow; Leningrad. 478 p. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1964. No. 5. Pp. 146–149. In Russian.

<**Kuz'menko G.**> (2006) Dnevnik zheny N. I. Makhno G. Kuz'menko, zakhvachenny v boyu 29 marta 1920 g. [Diary of Nestor Makhno's Wife Galina Kuz'menko, Captured in Battle on the 29th of March, 1920]. *Nestor Makhno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy* [Nestor Makhno. Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921: Documents and Materials]. Ed. by Danilov V., Shanin T. Moscow. Pp. 828–838. In Russian.

Lavrenev B. A. (1985) Sed'moy sputnik [The 7th Pursuivant]. *Povesti* [Novels]. Moscow. In Russian.

Lipets R. S. (1936) Fol'klornye materialy, zapisannye v g. Arkhangel'ske. Avtograf. Iyul' 1936 [Folklore Materials, Recorded in Arkhangel'sk. Autograph. July 1936]. In: Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1477. Inv. 1. D. 40. Manuscript. Moscow. In Russian.

Lomakin I. V. (1939) V 210 rabochem polku [In the Workers' Regiment. No. 210]. *Grazhdanskaya voyna v Orenburgskom krae* [Civil War in Orenburg Region]. <Chkalov>. Pp. 187–201. In Russian.

Lur'e M. (comp.) (2008) Poeziya v kazarmakh: Russkiy soldatskiy fol'klor [Poetry of Casernes: Russian Military Folklore]. Moscow. In Russian.

Makeev A. (2005) Bog voyny baron Ungern [God of War, Baron Ungern]. *Belaya emigratsi-*

ya v Kitae i Mongolii [White Emigrants in China and Mongolia]. Comp. by Volkov S. V. Moscow. Pp. 34–102. In Russian.

Makhno N. I. (2005) Vospominaniya [Memoires]. *Azbuka anarkhista* [Alphabet of the Anarchist]. Moscow. Pp. 24–510. In Russian.

Malinowski B. (1923) The Problem of Meaning in the Primitive Languages. Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. Harcourt. Pp. 296–355. In English.

Materialy po fol'kloru Grazhdanskoj voyny v Vostochnoj Sibiri (Ekspeditsii fol'klornoj sektsii IAIE AN SSSR) (1932–33) [Materials on Folklore of the Civil War in the Eastern Siberia (Expeditions of the Folklore Sector of the Institute of Anthropology and Ethnology of the Soviet Academy of Sciences). 1932–1933]. *Rukopisnyy otdel Instituta Russkoj literatury (Pushkinskiy Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. M. V. V. 31].

Meybom F. (2003) Ternisty put' [Thorny Path]. *1918 god na Vostoke Rossii* [The 1918th in the East of Russia]. Volkov. S. V. (comp.). Moscow. Pp. 82–134. In Russian.

Naumov V. P., Korsakovskiy A. A. (comp.) (1997) Kronshtadt 1921: Dokumenty o sobytiyakh v Kronshtadte vesnoy 1921 g. [Kronstadt 1921: Documents about Events in Kronstadt in Spring 1921]. Moscow. In Russian.

Orlov A. V. (1969) "Nas vodila molodost'..." ["Youth Lead Us..."]. *Razгром Kolchaka. Vospominaniya* [Defeat of Kolchak. Memoires]. Comp. by Spirin L. M. Moscow. Pp. 63–72. In Russian.

Partizany (1929) [Guerillas]. Chita. In Russian.

Paul' S. M. (1993) With M. S. Kornilov. *Beloe delo* [The Deal of the White: In 16 vol.]. Moscow. Pp. 182–216. In Russian.

Petrov P. P. (1933) Krutyje perevaly [Steep Heights]. Moscow; Irkutsk. In Russian.

Pronin D. (1960) Zapiski drozdovtsa-artillerista [Notes of the Cannoneer of Drozdovskiy's Troops]. Pronin D., Aleksandrovskiy G., Rebikov N. *Sed'maya gaubichnaya 1918–1920* [The 7th Howitzer in 1918–1920]. New York. Pp. 101–104. In Russian.

Pushkarev L. N. (1952) Iz nablyudeny nad tvorchestvom frontovikov (repertuary i voprosy bytovaniya) [From Observations on the Creativity of the Battle-Field Veterans (Repertoires and Issues of Existence)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Section of Literature and Language]. 1952. Vol. XI. No. 6. Pp. 529–531.

Pushkarev L. N. (1964) Iz vospominaniy fol'klorista-frontovika [From the memories of folklorist-the veteran]. *Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Astakhova A. M., Novikov N. V. (eds.). Moscow; Leningrad. Pp. 325–344. In Russian.

Reysner L. (1965) Front [The Battle-Field]. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow. Pp. 19–95. In Russian.

Ryasnyanskiy S. (2003) Gallipoli [Gallipoli]. *Russkaya armiya na chuzhbine* [Russian Army at the Foreign Land]. Volkov S. V. (comp.). Moscow. Pp. 204–222. In Russian.

Sayanskiy A. (1925) Partizanskiye poety Minusinskogo fronta [Guerilla Poets of the Minusinsk Front]. *Sibirskie ogni* [Siberian Fires]. 1925. No. 2. Pp. 207–222. In Russian.

Serafimovich A. S. (1982) Zheleznyy potok. Rasskazy [Iron Stream. Novels]. Leningrad. Pp. 5–156. In Russian.

Serafimovich A. S. (1987) Podarki [Gifts]. *Sobr. soch.* [Coll. Works: In 4 vol.]. Moscow. Vol. 3. Pp. 103–107. In Russian.

Shayditskiy V. (2005) Otdel'naya Aziatskaya konnaya diviziya [Separate Asian Cavalry Division]. *Belaya emigratsiya v Kitae i Mongolii* [White Emigrants in China and Mongolia]. Comp. by Volkov S. V. Moscow. Pp. 105–120. In Russian.

Sidel'nikov V. M. (1938) Po sledam Perekopskikh boev. Rasskazy, pesni, chastushki. Avtograf. Iyul'—avgust 1938. [In the Footsteps of Battles for Perekop. Stories, Songs, "Chastushka" the Ditties. Autograph. July—August 1938]. In: Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1516. Inv. 1. D. 29. Manuscript. Moscow. In Russian.

Sidel'nikov V. M. (comp.) (1936) Ustnye rasskazy o V. I. Chapaevе, pesni, zapisannye ot byvsikh boytsov chapaevskoy divizii. Avtograf V. M. Sidel'nikova, mashinopis', vyezki iz gazet. [Oral Narratives about V. I. Chapaev, Songs, Recorded from Former Combatants of the Chapaev Division. Autograph. Type-writing and Newspaper Scissoring]. In: Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1516. Inv. 1. D. 61. Unpublished. Moscow. In Russian.

Skirda A. (2001) Nestor Makhno: Kazak svoidy [Nestor Makhno: Cossack of Liberty]. Paris. In Russian.

Soyonov A. D. (1956) K voprosu o periodizatsii narodnogo poeticheskogo tvorchestva sovet'skoi epokhi [To the Question of Periodization of Folk Poetic Creativity of the Soviet Epoch].

Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya [Russian folklore: Materials and Studies]. St. Petersburg. 1956. Issue 1. Pp. 49–62. In Russian.

Sokolov Yu. M. (ed.) (1938) Krasnoarmeyskiy fol'klor [Folklore of the Red Army]. Comp. by V. M. Sidel'nikov. Moscow. In Russian.

Ustav garnizonnoy sluzhby. Vysochayshe utv. 16 maya 1900 g. (1916) [Regulations of the Station Duty. Royally Approved on the 16th of May 1900]. *Sbornik vseh voinskikh ustavov* [Collection of All Military Regulations: In 2 vol.]. Moscow. Vol. 2. Pp. 211–318. In Russian.

Ustav polevoy sluzhby. Vysochayshe utv. 27 apr. 1912 g. Ispravlen po 15 okt. 1916 g. (1916) [Regulations of the Field Duty. Royally Approved on the 27th of April 1912. Refined on the 15th of October 1916]. Petrograd. In Russian.

Ustav vnutrenney sluzhby. Vysochayshe utv. 23 marta 1910 g. (1916) [Regulations of the Inner Duty. Royally Approved on the 23rd of March 1910]. *Sbornik vseh voinskikh ustavov* [Collection of All Military Regulations: In 2 vol.]. Moscow. Vol. 2. Pp. 1–210. In Russian.

Ustav vnutrenney sluzhby. Utv. VTsIK 29 noyab. 1918 g. (1918) [Regulations of the Inner Duty. Approved by the Highest Executive Committee on the 29nd of November 1918]. Moscow. In Russian.

Uvarova E. D. (ed.) (1976) Russkaya sovet'skaya estrada. Ocherki istorii. 1917–1929 [Russian Soviet Estrade. Essays on History. 1917–1929]. Moscow. In Russian.

Veresaev V. V. (1989) V tupike [In the Dead-Lock]. Leningrad. In Russian.

Veselyy A. (1983) Rossiya, krov'yu umytaya [Russia, who has Washed herself in Blood]. *Veselyy A. Izbrannaya proza* [Selected Prose]. Leningrad. Pp. 5–452. In Russian.

Vyrpaev V. (2003) Kappel'evtsy [V. Kappel's Corps]. 1918 god na Vostoke Rossii [The 1918th in the East of Russia]. Comp. by Volkov S. V. Moscow. Pp. 43–82. In Russian.

Za rodinu (1919) [For the Motherland: Military, Social and Literature Newspaper]. Semipalatinsk. In Russian.

Za Rossiyu (1919–1920) [For Russia: Popular Newspaper of the Northern Region]. Arkhangel'sk. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: rfakhretdinov@eu.spb.ru

Tel.: +7(822) 386-76-36

3, Gagarinskaya str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation

Magister (Philology), post-graduate student, Department of Anthropology, European University at St. Petersburg
